

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Андрей Николаевич Безруков

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры филологии

Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Бирск, Россия

in_text@mail.ru

ВАРИАНТЫ ИМПЕРСОНАЛЬНОЙ ПОЭТИКИ КАК ОСНОВА ЛИРИЧЕСКОЙ НАРРАЦИИ ИРИНЫ АСТАХОВОЙ

Современная российская поэзия невозможна без упоминания имени Ирины Астаховой. Лирика Астаховой является как формой дифференциации личного, имперсонального, так и гендерно мужского и женского. Травести позволяет поэту быть оригинальным, неповторимым, уникальным для читателя. При этом эстетический, культурный диалог с XIX – XX веком не прекращается, а только усиливается, трансформируется в вариативное поэтическое пространство. Поэтические контуры лирики Ирины Астаховой зависимы от мелодики текста, глубины переживаний, конденсации социального и философского.

Ключевые слова: Астахова Ирина, современная поэзия, лирический нарратив, имперсональная поэтика, диалог, автор, читатель, рецептивная критика.

Andrei Nikolaevich Bezrukov
Candidate of Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philology
Bashkir State University, Birsk branch
Birsk, Russia
in_text@mail.ru

VARIANTS OF IMPERSONAL POETICS
AS BASIS OF THE LYRIC NARRATION BY IRINA ASTAKHOVA

It is impossible to imagine modern Russian poetry without the creative activity of Irina (Ah) Astakhova. Lyric poetry by Astakhova is a form of differentiation of personal and impersonal as well as male and female. Travesty allows the poet to be original and unique to the reader. Thus, the aesthetic, cultural dialogue with the XIX – XX century does not interrupt but mainly intensifies, transforms into a variable poetic space. Poetic patterns of the lyrics by Irina Astakhova depend on the melody of the text, the depth of emotions and the condensation of the social and philosophical.

Key words: Irina Astakhova, modern poetry, lyrical narrative, impersonal poetics, dialogue, author, reader, receptive criticism.

Новейшая отечественная лирика является привлекательным имперфектом не только для читателей, слушателей, но и исследователей. Имена Веры Полозковой, Анны Павловой, Геры Шипова, Алевтины Дорофеевой, Кати Бородиной, и, конечно же, Ирины Астаховой, пишущей под псевдонимом Ах Астахова, на слуху. Безусловно, они в печати, периодике, в СМИ, в Интернете. Новый поэтический мир, как и классика XIX – XX веков, ориентирован на множественность проблем и вопросов социального порядка. Правда делается это более остро, жестко, философично, открыто.

Думается, что именно свободный ритм и режим ризомной манифестации художественной правды есть примета современности. Это характерно и для прозы, например, творческого стиля Дмитрия Глуховского, Виктора Пелевина, Захара Прилепина, Татьяны Толстой, Михаила Шишкина и ряда других писателей. Допущение свободного диалога обеспечивает текстам указанных авторов открытость потенциальных смыслов. Следовательно, ситуация первого и второго десятилетия XXI века нарочито ориентирует на допущение как свободной реализации творческого процесса, так и желаемой коннотативной правки со стороны потенциального реципиента.

Лирика Ирины Астаховой может быть сопоставима, на наш взгляд, с поэтическим наследием ряда знаковых фигур XX века. Преемственность художественного, нарочито эстетического, философичного проявляется в большей части ее пока еще не столь богатого контента. При этом следует помнить, что «поэтическое произведение ... содержит в себе не просто язык, но прежде всего мысли и чувства, выраженные в языке» [Винокур, 2006, с. 51]. Для Астаховой важна и форма наррации, и воплощение ее содержательной сути, и перспектива диалога с потенциальным читателем. Не случайна, в данном случае, выборка поэтом формы маски, или элементов трагедии – гендерно мужского и женского, психологически сильного и слабого – для воплощения замысла. Хотя в лирике, да и в искусстве в целом, безусловно, это нивелируется, так как связано с экспериментом, мимезисом, подражанием, копией, или симулякром, но читателю необходимо «увидеть доминирующие связи и упорядоченности» [Лотман, 1972, с. 119] для объективного изъятия имманентного смысла.

«Поэты, как известно, любят одиночество» [Довлатов, 2019, с. 27], отчасти эта примета характерна и для поэзии Ирины Астаховой. Однако, ее стиль, манера повествования провоцируют собственно самого скриптора на разрешение и пролонгацию эстетического диалога, реализацию совместного с читателем творческого процесса. Интерес к ее произведениям, видимо, и заключаются в желании поэта показать верный маршрут «чтения», путь к

«пониманию» сути поэтически сказанного. Таким образом, не случайны для лирики Ирины Астаховой формы реализации авторского замысла в типах «женское» / «мужское». Как отмечал Д. С. Лихачев, «чтение не должно быть случайным. Читать следует по программе... Чтение должно интересовать читающего. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания» [Лихачев, 2019, с. 66]. Астаховский текст является тем эстетическим объектом, который, думается, сначала привлекает внешне [формальный ценз], а после знакомства напоминает о себе и внутренне [парадигма смысла], к нему хочется возвращаться, перечитывать.

Основной тематический спектр поэзии Ирины Астаховой направлен на изучение естества природы, а также фиксацию природы человеческой личности. Факторы объективации органики живой личности и мира, общества и отдельной фигуры находятся у поэта на уровне пограничного среза. Правда жизни [Шемелева, Компанец, 2018, с. 91-98] в текстах Астаховой настолько гармонична, что художественная визуализация не вызывает у потенциального реципиента кажущейся сложности, мнимых затруднений дешифровки.

Картина бытия в поэтическом дискурсе Ирины Астаховой формируется не как случайность, но как закономерный процесс верификации происходящего. Для поэта это и есть главный ценз возможного отбора. Если получится случай превратить в типическое и нечленимое, тогда художественный мир [Крылова, 2018] обретает нужный метафизический статус. Поэтический месседж Астаховой есть некая интуитивная догадка, пророческое чутье, понимание и принятие естественного хода жизни, сплетения событий. Нарочито художественная фиксация всего перечисленного в ее текстах происходит в нестандартном, имперсональном режиме. Данная особенность и может отличать поэтику лирических нарративов указанной фигуры от ряда других современных поэтов.

Литературной базой данной работы становится сборник Ирины Астаховой «Мужская и женская лирика», который является выгодно продуктивным для аргументации высказанной позиции, а именно того, что

лирическая наррация поэта имеет явные признаки имперсональной поэтики. Методологические установки анализа лирики Ирины Астаховой сориентированы на принципы рецептивной критики, герменевтики, деконструктивизма, структурного и компаративного подходов. Подобная органика принципов позволяет определиться с наиболее фактурными штрихами астаховской лирики, а также объективировать варианты претворения указанных замещений.

Следует обозначить, что поэтический конструкт отличается от прозаического тем, что в нем внешний импульс зачастую является лишь поводом для возможных внутренних вибраций. Однако «при лапидарной простоте лирического сюжета композиционная форма лирики, как правило, приобретает активизированный характер» [Тюпа, 2008, с. 102]. Концептуальный вариант разверстки имперсональной поэтики проявляется в стихотворении «Молитва» [Астахова, 2018, с. 80]. В нем контраст личного и характерного нивелирован настолько, что практически с первых строк ощущается надындивидуальное.

«Господи, как мне хочется все успеть!

Лень победить свою и ничтожный страх –

Как бы мне не пропасть и не просмотреть

То, что могу держать на своих руках?» [Астахова, 2018, с. 80].

Внешнее членение текста на пять строф (три катрена и два дистиха) дает возможность читателю не только услышать спектр риторически заданных автором вопросов, но и сориентировать себя на погружение в глубокий мир души, пространство загадки.

«Господи, сохрани меня от потерь!

Дай мне побольше воли хранить мечту!

Я же тогда сумею любую дверь

Сердцем открыть и впустить пустоту» [Астахова, 2018, с. 80].

Лирический герой в данном случае не только пытается определить путь к божественному, да и к самому себе, но и разрешить вопрос, почему этого не

происходит так долго. В финальных строках оправдана имперсональность взгляда, указан ее особый общечеловеческий статус:

«Господи, все расставь на свои места,

И я от тебя больше не откажусь!» [Астахова, 2018, с. 80].

Таким образом, соразмерность формы и содержания в лирическом нарративе гораздо выше, нежели в повествовательном, а это диктует реципиенту то, что «реальность ... текста есть органическое целое, а не сумма отдельных элементов» [Безруков, 2015, с. 161].

Имперсональный характер лирики Ирины Астаховой свойственен достаточно большой группе ее стихов. Однако Астахова, выбирая форму травести, точно дифференцирует авторский поэтический дискурс на «лирику женскую» и «лирику мужскую». К таковым можно отнести следующие стихи: «Тайна», «Прости меня вечность», «Плевать мне...», «Магнит», «Не предам», «Дни недели», «Любовь», «Молитва», «О себе», «Последний стих», «Собака», «Прощание», «Любите людей за поступки», «Снаружи – холод...», «Ты!», «Встреча», «Все будет в порядке», «Тупик», «Искусство», «Человек» и т.д.

Формально вариант повествования даже не маркируется какими-то родовыми или лексико-грамматическими признаками, это, скорее всего, внутренняя неповторимая органика стиха, подразумевающая общность имперсонального толка. «Внимание в русле такой модели оценки сосредоточено... как собственно на сам текст, так и фигуру автора-творца, а также продуктивную деятельность реципиента...» [Безруков, 2018, с. 82]. Замещая, нивелируя «женское» и «мужское», Ирина Астахова предлагает потенциальному читателю, как ситуативную раскладку, так и намечает смысловые переделы текстовой налички, которые предлагается воспринимать дуалистично. Бифуркация в подобной игре становится внутренним желанием поэта, далее ориентиром реципиента, но не гендером автора. Особым образом организуется в русле сказанного стихотворение «Собака» [Астахова, 2018, с. 106-107]. Специфика данного текста заключается в соединении как минимум

двух крайних полюсов: это человек с его чувствами, внутренним миром и живая жизнь, природа, окружающая социум.

Однозначно трагический пафос стихотворения номинативно обозначен в первой строфе:

«Скажите мне: вы, люди, замечали,
Уткнувшись в телефоны и на стены,
Глаза собаки, полные печали,
Живущей возле метрополитена?» [Астахова, 2018, с. 106].

В обращении к «людям» манифестирована и позиция поэта – это желание посмотреть еще на что-нибудь, не только на себя, но и окрест. «Собака» как символ, как некий концепт-отсылка описывается в двух последующих строфах. В них отчасти дается и предел рецепции существования живого объекта: «лежит», «виновата», «глядят», «нужно мало», «коснувшись». Прямым указанием действий поэтессы стремится реанимировать в человеке сущностное и главное. Социальный [Папковская, 2019] фон астаховского космоса не замкнут, но открыт для проекции в культурное, гуманистическое, личностно-психологическое. Критическая оценка действий героя данного текста отчетливо прописана в последней строфе:

«И грустно мне! Особенно ночами,
Что не могу я, преклонив колено,
Забрать собаку с грустными глазами,
Живущую у метрополитена» [Астахова, 2018, с. 106].

Откровенная констатация правды и признание собственной неспособности поступить правильно сильно влияет на эмоциональный тон стиха. Боль, которая переживается и собакой, и человеком, настолько похожа, что вариант замещений есть некий закон бытия.

Лирический нарратив Ирины Астаховой созвучен творчеству ряда классиков XIX – XX веков. Стоит обозначить, что в вариантах художественной раскладки поэтессы есть аллюзии на А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Александра Блока,

Анну Ахматову [Новак, 2019], Игоря Северянина, Бориса Пастернака, Иосифа Бродского и других поэтов. Указанный эстетический пласт становится некоей формой диалога, попыткой декодировать реалии современного мира в верифицированном ключе. Речитативом, схожим с литературным модернизмом футуристической направленности, создается стихотворение «Встреча». Текстовый универсум стихотворения однороден и признает равноправие местоименных «моя», «ты», «мой» приходится безусловно:

«Встреча случайная – гром и град.

«Как ваше имя? Отчество?»

Чья-то трагедия – это ад.

Моя – одиночество» [Астахова, 2018, с. 106].

Звуковая организация для Астаховой во «Встрече» не менее важна и продуктивна, ритмический рисунок верифицирует имперсональную поэтику. Голосовой импульс звучит как протест внешней неустроенности, а это и «он», и «она», кодифицировать частность просто нереально. Объединяются герои в точке признания веры [вопрос какой?] главной сущностью:

«Чья-то религия – это Бог.

Моя – это вера в нас» [Астахова, 2018, с. 106].

Сюжетный ход [Безруков, 2019] завершается разрешением заглавного, основного вопроса «Встречи», причем это поддерживается и фонетической, и стилистической инструментровкой:

«Руку подай мне и ляг на грудь.

Все Расскажи мечты.

Каждый путник свой ищет путь,

Мой, безусловно, –

Ты» [Астахова, 2018, с. 106].

Удачная комбинация формального, содержательного, личного, жизненного позволяет Ирине Астаховой поэтику собственного текста связать с классической поэтикой чувств.

Нивелирование грани между «мужским» и «женским» фактурно воссоздано в стихотворении «Человек» [Астахова, 2018, с. 17-18]. Консолидируя традиционные крайности, Ирина Астахова обращается и к символическому из Александра Блока, и к природно-естественному из Бориса Пастернака, и социально-живому из Роберта Рождественского, и философско-неразрешимому из Иосифа Бродского. Описание, которое дается в начальной строфе, эпически масштабно:

«Без шарфа, в пальто, в небрежном свитере,
Обреченно вглядываясь в снег,
Бродит по проспектам – вы не видели? –
Самый лучший в мире человек!» [Астахова, 2018, с. 17].

Поиск счастья для автора не только путь-преодоление, но и процесс самоидентификации. Лирический герой Астаховой уникален еще и тем, что одновременно сочетает естественно-привычное и благородно-непохожее. Подтверждается это прямым указанием: «ни семьи», «ни друга», «но зато – благодать». Сферой обитания «человека» становится теплый угол, светлое «пристанище», где можно «развалиться с чаем». Комфорт внешний дисгармонирует с одиночеством внутренним. В целом «в ролевых стихотворениях обязательно присутствует драматическое начало» [Образцы изучения лирики, 1997, с. 205]. Память об ушедшем не так тревожит героя, как его «демиурга», «создателя». Следовательно, и Астахова, а далее и читатель, верит, что «все исправиться», «человек станет большим». Но «большой» не значит правильный, идеализация в подобном случае не срабатывает, нужен реверс к первоистокам, близкому, понятному, а именно это собрано в пятом, финальном катрене:

«Но опять, надев пальто и валенки,
От земли не отрывая век,
Вышел из подъезда очень маленький,
Никому не нужный человек» [Астахова, 2018, с. 17].

Вероятно, имперсональный характер и дает возможность завершить текст стихотворения подобной аллюзией. Однако, ненужность есть примета/черта современного мира, мира, в котором все больше доминирует принцип замещений и подмены понятий. Человек не может четко представить, либо понять, что необходимо ему в первую очередь. Исходя из этого, и складывается некая неуютность, неустроенность, непонятность жизни.

Ирина Астахова игровой формой имперсонального сбива возвращает читателя, слушателя к правильности и естеству. Большая часть ее текстов ориентирует не на трагическое и гибельное, но на душевное, внутреннее, гармонично-сочетаемое. Таким образом, анализ сборника «Мужская и женская лирика» показывает, что варианты имперсональной поэтики являются одной из доминант лирической наррации поэта.

Библиографический список

1. *Астахова Ах.* Мужская и женская лирика. 2-е изд., дополненное. М.: Издательство «Э», 2018. 312 с.
2. *Безруков А. Н.* Рецепция художественного текста: функциональный подход. СПб.: Гиперион, 2015. 298 с.
3. *Безруков А. Н.* Сюжетология поэтических конструктов // *Studia Humanitatis*. 2019. № 3. С. 24.
4. *Безруков А. Н.* Факторы семантической изотопии литературно-художественного дискурса // *Нижевартовский филологический вестник*. 2018. № 2. С. 81-86.
5. *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы / Сост. и прим. Т.Г. Винокур. Предисловие В.П. Григорьева. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2006. 328 с.
6. *Довлатов С.* Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 256 с.
7. *Крылова М. Н.* Современный поэт Ирина Астахова и восприятие её творчества в сети Интернет // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 2. С. 167-175.
8. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Издательство АСТ, 2019. 192 с.
9. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.

10. *Новак А. В.* Анна Ахматов и Ах Астахова: диалог сквозь время // Филологические открытия: сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.В. Беляева. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 255-259.
11. Образцы изучения лирики: в 2-х ч. Ч.1 / Сост. Т.Л. Власенко, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 306 с.
12. *Папковская Н. А.* Поэтика успеха: средства языка и стиля массовой интернет-поэзии // Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. / Отв. ред. Снигирева Т.А., Назарова Л.. Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. С. 210-214.
13. *Тюна В. И.* Анализ художественного текста. 2-е изд., стереотипное. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.
14. *Шемелева Т. В.* Проявление категории персональности в поэтическом тексте (сборник «Мужская и женская лирика» Ах Астаховой) / Т. В. Шемелева, Н. А. Компанец // Исследовательские парадигмы в современной филологии: сб. науч. тр. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2018. С. 91-98.

References

1. *Astakhova Ah.* (2018) Male and Female Lyrics. 2nd Ed., enlarged. M.: Publishing House "E", 2018. 312 p. (in Russian)
2. *Bezrukov A. N.* (2015) The Reception of Literary Text: Functional Approach. SPb: Hyperion 2015. 298 p. (in Russian)
3. *Bezrukov A. N.* (2019) The Subjectology in Poetic Constructs // *Studia Humanitatis*. 2019. № 3. P. 24. (in Russian)
4. *Bezrukov A. N.* Factors of Semantic Isotopy of Literary Discourse // *Nizhnevartovsk Philology Bulletin*. 2018. № 2. P. 81-86. (in Russian)
5. *Vinokur G. O.* On the Language of Fiction / Ed. T. G. Vinokur. Preface by V. P. Grigoryeva. 2nd Ed. M.: KomKniga, 2006. 328 p. (in Russian)
6. *Dovlatov S.* Heyday and Destitution of the Russian Literature: Philological Prose. SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019. 256 p. (in Russian)
7. *Krylova M. N.* Modern Poet Irina Astahova and Perception of her Creativity in the Internet // *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018. № 2. P. 167-175. (in Russian)
8. *Likhachev D. S.* Letters about the Kind and Beautiful. M.: Publishing House AST, 2019. 192 p. (in Russian)
9. *Lotman Y. M.* Analysis of the Poetic Text. L.: Prosveshchenie, 1972. 272 p. (in Russian)

10. *Novak A. V. Anna Akhmatova and Ah Astakhova: Dialogue Through Time // Philological Discoveries: collection of papers / Ed. N. V. Belyaeva. Vladivostok: Publishing house of Far Eastern Federal University, 2019. P. 255-259. (in Russian)*

11. *Examples of Studying Lyrics: in 2 parts. P.1 / Ed. T. L. Vlasenko, D. I. Cherashnyaya, V. I. Chulkov. Izhevsk: Publishing house of Udmurt University, 1997. 306 p. (in Russian)*

12. *Papkovskaya N. A. Poetics of Success: Linguistic and Stylistic Facilities of Mass Internet-Poetry // Initium. Fiction: Experience of Modern Interpretation: collection of papers / Ed. Snigireva T. A., Nazarova L. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, 2019. P. 210-214. (in Russian)*

13. *Tyupa V. I. Analysis of the Literary Text. 2nd Ed., reprint. M.: Publishing centre "Academia", 2008. 336 p. (in Russian)*

14. *Shemeleva T. V. Expression of the Category of Personality in a Poetical Text (Collection "Male and Female Lyrics" by Ah Astakhova) / T. V. Shemeleva, N. A. Kompanets // Research Paradigms in Modern Philology: Collection of Papers. Krasnodar: Publishing house of Kuban State University, 2018. P. 91-98. (in Russian)*